

КТО-ТО СРАВНИЛ ГОДЫ С ФОНАРИКАМИ, ВИСЯЩИМИ НА ТОНКОЙ НИТИ ВРЕМЕНИ, ПРОТЯНУТОЙ В УМЕ. ОДНИ ФОНАРИКИ ГОРЯТ ЯРКИМ, ВЕЛИКОЛЕПНЫМ СВЕТОМ. ДРУГИЕ ДЫМНО ВСПЫХИВАЮТ В ТЕМНОТЕ. ДЛЯ ВИТАЛИЯ СТЕПАНОВИЧА ТАРАРИНА ПЕРВЫЕ ФОНАРИКИ СВЕТА ИЗ ДАЛЕКИХ ВОЕННЫХ ЛЕТ.

С историей не вольничал,

он писал ее собственной жизнью,
теряя на фронтовых дорогах друзей

И ВСЕ БЫЛО, КАК В КИНО. Выпускной вечер в седьмой школе. Евгений Ильич Рубцов и Борис Леонидович Золотавин вручили аттестаты. Танцы до утра. А с рассветом отравились всем классом в лес. Лишь вечером узнали, что началась война. На следующий день группой отравились в военкомат, проситься добровольцами на фронт. И класс еще не знал, что из тех добровольцев вернется домой лишь один — Витя Тарарин. Вернется, как он считает, только потому, что был физически сильнее, везучее своих друзей. Вернется, пройдя самое пекло: харьковское окружение, Курскую дугу, берлинские бои.

— Сначала я в танковом учился, потом в артиллерийском, — вспоминает Виталий Степанович. — А уж в марте 43-го попал в окружение под Харьковом. Оттуда в нашем полку лишь каждый девятнадцатый вышел. Отправили в Москву на переформирование. А в это время докатился до столицы только что сформированный Уральский добровольческий танковый корпус. В его составе я и прошел всю войну.

Он был моложе своих земляков, офицер Тарарин, командир огневого взвода. Он мог оценить уральцев. Люди прибились от станков, дисциплинированные, быстро освоили боевую технику. Они умели исполнять свое дело хорошо и надежно. Виталий Степанович не стал рассказывать о боях. Щепетильно хранит в уголках своей памяти самое дорогое. Зато другим поделиться не прочь. Ну, например, тем, что были в его взводе русские, хохол, эзербайджанец, башкир, татарин, мариец, чуваш. И если бы тогда им сказали, что их

направлены. Через него надо было перебросить танки и артиллерийскую батарею. Горело в кругом все: дым, гарь. И в этом кошмаре разглядели, что поле усыпано трупами наших солдат. Видимо, полегли до танкового наступления. Так и вилили машины, стараясь не потревожить тех, кто спал вечным сном.

ВИТАЛИЙ СТЕПАНОВИЧ видел все: и горечь

С АНАТОЛИЕМ ПШЕНИЧНЫМ мы учились на одном факультете. Зачитывались его стихами, пели его песни под его же гитару. Но есть строки, которые читаешь только в тишине. И вот я открываю сборник «Разбег». Самое первое в нем стихотворение Анатолия Пшеничного «Отец». Он посвятил его всем, кто в грозные сороковые исполнил солдатский долг перед Отечеством.

Когда расплывались вечерние тени
И солнце садилось за холм вдалеке,
Отец нас с братишкой сажал на колени
И речь вел о битве на Курской дуге.

...Солдаты вставали по красной ракете,
Свинец по броне барабанил, как град,
И папка — такой, как на желтом портрете,
Карабкался к доту со связкой гранат...

Он нам о себе не рассказывал много,
Зато поименно запомнить могли

Мы каждого друга его фронтового —
И тех, кто вернулись, и тех, кто легли.

От майских салютов светлело в округе,
И гордости утром не пряча в глазах,
Мы шли и держались за папкины руки,
За крепкие руки в пустых рукавах.

родины разделятся, они бы не поверили. Они защищали одну Родину-мать.

Менее всего Тарарин хочет показаться героем. Но я знаю, что три боевых ордена он получил за Львов, Сандомирский плацдарм в Польше, за Берлин и Прагу. Он не позволяет себе увлечься рассказом о подвигах на той войне, зато с полным правом высказывается по поводу происходящего сегодня.

— Слушаешь много свистуна, не нюхавшего пороха, мол, сдавались наши солдаты фашистам в плен гораздо больше, чем значится в документах. Другие вообще историю на новый лад переписывают, — Тарарин морщится. — Я уходил из окружения и видел: никто, ни под каким предлогом не хотел сдаваться. До конца войны нам не хватало снарядов. Фашисты же были вооружены до зубов Западной Европой. За мной одним, бывало, мессершмидт гонялся. Они могли себе позволить такое.

Запомнилось ему золотое хлебное поле на Орловском

поражения, и радость победы. Он плакал под сгоревшими танкистами. Все его воспоминания связаны с друзьями-товарищами на той войне, их судьбы просто потрясли того двадцатилетнего Тарарина. Он помнит, сколь тяжелы были утраты. Трех командиров полка потеряли. На его глазах пикирующий бомбардировщик фашистов снарядом снес головы четверым товарищам. С каждым днем, приближающим к победе, он терял фронтовых друзей. А две потери казались страшно нелепыми. «Нас было четверо друзей, вместе шли от Москвы. Одного убили на подступах к Берлину 19 апреля, другого — в Берлине 2 мая...»

Но видел он и другое, и понимал многое: одни на той войне защищали Родину, другие — себя, свои жизни. Любой ценой. «Это было с первого на второе мая. Из Берлина вырвалась огромная группа немцев. Они удирали на Запад. Уничтожив одну батарею, перли на нашу. Одно дело, как мы вели себя у пушек. Другое дело — тыловая

публика. Я их раньше никогда не видел, а тут насмотрелся. Они метались, искали безопасное место. А фашист жарил. И горько, и смешно».

Через страшное, горькое, окопное время привела дорога в май 1945-го. 8 мая, 11 часов вечера по берлинскому времени. «Мы находились на перевале через Рудные горы, даггались в Чехословакию. Огромная, десятикилометровая колонна. Все уже ждали специального сообщения. Но когда объявили о капитуляции фашистской Германии,

До мая 1946-го Тарарин оставался за границей: в Австрии, Венгрии, Берлине. Не раз задавал себе горькие вопросы, сравнивая сытых, довольных союзников на прекрасной технике и наших на ободренных, искомленных тягачах. Он видел прекрасные чешские дороги, крепкие заводы, места отдыха. Все уцелело. И вспоминал наши хатки под соломенными крышами и те, сожженные. Виталий Степанович глубоко задумывается и теперь, вспоминая концлагеря, которые пришлось освобождать. Нет, не те, не Бухенвальд и Освенцим, где все было направлено на уничтожение плоти человеческой. Другие. В которых пленники использовали как рабочее быдло, изо дня в день в них убивали человеческое достоинство. Сегодня ему кажется, что Гитлер стремился именно это сделать с нашим народом. И ему страшно. Он вспоминает двух парней из того лагеря, которых после освобождения зачислили в их взвод. Видавших все фронтовиков просто ужасало, как трудно выдвигались из себя рабство наши новенькие.

— Ни одному союзнику, ни всем им вместе взятым не досталось столько горя и разрушений, сколько нам. И никто бы в мире не встал так быстро на ноги, как мы. Так зачем же прошлое охаивать? — спрашивает Виталий Степанович и отвечает сокровенными размышлениями: — Сегодня порой история подается так: мол, Сталина превозносили, а народ уши развесил и делал из вождя бога. До войны я жил здесь в Первоуральске с 1933 года. Никто нигде не кричал: «Да здравствует Сталин!» Мои учителя не превозносили его до небес. Не знаю, может на каких партсобраниях и кричали в честь него здравницы. Но народ всегда был мудр. Я видел Орджоникидзе, когда он приезжал на Нозотрубный. Простой без особой охраны, разговаривал о рабочих, не гнушался черных цехов. Но я видел и другое. Уже в наше время. Когда очередную чешскую делегацию везли на застолье, предварительно перегорив дорогу, шуганув мужичонку на телеге и меня в моей выдавшей виды машине. Меня, освобождавшего Прагу...

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЭТИ СТРОКИ легли на бумагу, мы дважды встреча-

лись с Тарариным. После первой встречи мне трудно было отделаться от чувства вины не только перед Виталием Степановичем, но и перед всем его поколением. За то, что мы, послевоенные, не сумели заечь для них поярче фонарики, которые на тонкой нити времени. За то, что прощаем нашему государству, отнявшему у них право на встречу в Москве. Раньше Уральскому добровольческому танковому корпусу отводили лучшие места в столичной гостинице «Россия». Пять дней они проводили лучшие места в столичной гостинице «Россия». Пять дней они проводили лучшие места в столичной гостинице «Россия». Пять дней они проводили лучшие места в столичной гостинице «Россия». На это хватало пенсии. Сейчас их пенсии не хватает на приличный костюм. Но они снова встречаются. Теперь уже в Екатеринбурге. Их ряды поредели не только потому, что прибавилось могильных холмиков, но и потому, что некоторые оказались в ближнем зарубежье, откуда дорога на Урал не по карману. Мне горько было за Тарарина, за то, что болит его сердце о сегодняшних молодых: «Неужели эти, в будках, дадут России материальные и духовные блага?» — с таким вопросом не в силах сдерживать слезы, уходил Виталий Степанович в первый раз.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА закончилась более счастливо. Видимо, за минувшие дни Тарарин вспомнил немало светлых мгновений. «Вы только не подумайте, что я хожу по улице и свежусь радостью. Нет. Просто я понимаю, и у меня есть надежда. Это мои двое внуков. Единственная надежда И не слазьте меня больше, чем тех, которые ушли тогда и не вернулись. Мне никогда не забыть моих школьных друзей, погибших от ран. Я преклоняюсь перед теми, кто здесь работал. Мы на той стороне чувствовали, как им в тылу достается. Я выжил на фронте потому, что со мной была моя братва. В память о нас единственная просьба: не вольничайте с историей...»

Т. ВАЖЕНИНА.